

Георгий Почепцов

ЦИВИЛИЗАЦИЯ КОНТЕНТА

Георгий Георгиевич Почепцов

Цивилизация контента

Серия «Сучасні технології»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65283216

Цивилизация контента / Георгий Почепцов: Фолио; Харьков; 2021

ISBN 978-966-03-9581-7

Аннотация

Современный человек все больше времени проводит в мире досуга. По этой причине материальное производство теснит производство нематериальных объектов – телесериалов, фильмов, книг... А для них самым главным является контент, новый и уникальный. Долгие столетия люди жили в мире религии, а затем в мире идеологии с их сакральным видом контента. Теперь человечество стало жить в развлекательном контенте, который побеждает всех. Как и почему это происходит?

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	5
Глава первая	6
Коммуникация создает и разрушает миры	6
Гуманитарный инжиниринг: от Сталина до дня сегодняшнего	19
Как сегодня идеологию заменила имиджелогия	40
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Георгий Почепцов

Цивилизация контента

© Г. Г. Почепцов, 2021

© М. Мендор, художественное оформление, 2021

© Издательство «Фолио», марка серии, 2019

Введение

Мы попали в мир быстрых изменений. Причем нельзя сказать, чтобы мы оказались к нему готовыми. Лучшие успехи Украина имела в период индустриальной цивилизации, постиндустриальный мир пока не для нас. Мы оказались на раздорожье, когда индустриальные механизмы развития уже перестали работать, но постиндустриальные еще не начались.

Главным в постиндустриальном мире стало иное – производство контента во всех его формах. Покорив мир материальный, человечество теперь взялось за покорение мира нематериального. Креативные индустрии во всем мире набирают силу, пополняя ВВП своих стран.

В прошлом мире одной из идеологий говорилось «Пролетарии всех стран, объединяйтесь», в сегодняшнем мира лозунг стал иным: «Пользователи всех стран, развлекайтесь»...

Глава первая

Коммуникация создает и разрушает миры

В современном обществе статус информационно-коммуникативных механизмов резко возрос не только потому, что сегодня каждый с помощью соцсетей становится коммуникатором, выдавая «на гора» огромное количество информации, а и потому, что коммуникативные силы создали новый тип толпы – коммуникативной массы, управляемую извне мощными информационными импульсами, которым нет числа. Индивидуальный человек стал еще беззащитнее перед цивилизацией, у которой возникла иная базовая формула, гласящая, что информация – это новая нефть.

Процесс глобализации сделал однообразную матрицу в головах у всех, поскольку мы потребляем в большом объеме одни и те же физические (товары), информационные (новости) и виртуальные (телесериалы) продукты. А мир движется еще дальше – к полному исчезновению границ в физическом мире, уже практически потеряв их в информационном и виртуальном. Время закрытых от внешнего мира стран уходит в далекое прошлое. Сегодня это становится экономи-

чески невыгодно. Закрытая страна обрекает себя на отставание.

Глобализация разрушила границы в целях бизнеса, которому были нужны новые территории для своих товаров. Но одновременно она послужила генератором для продвижения единых или близких политических закономерностей. Политическое воздействие оказывали также виртуальные продукты, проникающие на новые для себя территории. Если чтение «Гарри Поттера» повлияло на выборы Обамы, поскольку создавало влияние за демократов и против республиканцев, то, вероятно, такие или другие влияния происходили и в других странах, поскольку книги и фильмы про Гарри Поттера получили всеобщее распространение. Если накоплен большой опыт интервенций в телесериалы, несущие здоровое поведение, более тысячи американских телесериалов имеют такие медицинские вкрапления, то может происходить такая же перекодировка и политического опыта.

Если не прямое, то косвенное воздействие соцмедиа оказали на многие протестные акции по всему миру, приводя к смене власти. Как это было, к примеру, в период «арабской весны». Горизонтальные коммуникации в этом случае оказались привычнее вертикальных, идущих от власти к населению.

Сначала человечество создало сильные модели управления массовым сознанием «подчиненного человека» в виде пропаганды (СССР и Германия). От этой пропаганды нельзя

было уклониться. Потом такие же системы управления были созданы для «свободного человека» в виде рекламы и паблик рилейшнз (Запад), от которых можно уклониться, поэтому эти сообщения стали делать более качественно, чтобы увеличить их потенциал воздействия. Каждый раз человеческий организм остается таким же, а системы влияния на него становятся все более совершенными, поэтому защищенность его от такого влияния падает.

Сила этого воздействия, которая многократно усилилась после этапа доминирования телевидения и перехода к этапу доминирования соцсетей, создала в результате новый тип массы, которой никогда ранее не было. Эту массу можно обозначить как информационную. А поскольку знание реальности все больше и больше идет из медиа, а не физического мира, то тем серьезнее становится единомыслие человечества.

Раньше в истории это делали религия и идеология, сегодня – бизнес и политика. Каждый раз они «заказывают музыку», которая становится обязательной для всех. Еще раз подчеркнем, что это имеет уже не национальный, а международный характер, и не только политический, а даже футурологический, например, готовя массовое сознание к тому, что искусственный интеллект будет неотличим от людей. Это делает телесериал «Мир Дикого Запада» и множество других фильмов, где роботы являются главными героями. Одновременно военные (американские) проводят кон-

ференции на тему «автоматизации», где решается проблема: может ли искусственный интеллект получить право отдавать приказ на уничтожение человека, а массовое сознание одновременно получает свою картинку будущего со своими проблемами неотличимости человека и робота. В результате модель мира в нашей голове начинает трансформироваться не под влиянием реальности, а под влиянием коммуникации, поскольку сама эта реальность еще не наступила.

В свое время Советский Союз пытался сопротивляться внешнему влиянию не только с помощью репрессий, но и идеологически, правда, совершенно не пытаясь трансформировать себя, что с точки зрения дня сегодняшнего выглядело бы как более естественный ход. В записке 1970 года Ю. Андропова в ЦК – «Анализ „самиздатовской литературы за 5 лет”», говорится: *«Западная пропаганда, враждебные Советскому Союзу зарубежные центры и организации рассматривают „самиздат” как важный фактор политической обстановки в СССР. Нелегально выпускаемые журналы и сборники именуется печатными органами „демократического подполья”, „свободной демократической печатью” и т. п. На основе сравнения выпусков „Хроники текущих событий” отмечается „растущее число участников движения” и наличие в нем „постоянного и коллективного сотрудничества”. „Советологи” делают вывод, что в СССР существует и развивается „движение за гражданские права”, которое приобретает „все более определенные очертания и опре-*

деленную политическую программу". Империалистические разведки и связанные с ними антисоветские эмигрантские организации не только учитывают наличие оппозиционных устремлений, но и пытаются поддерживать их, прибегая к изготовлению и пропаганде документов-фальшивок. В ряде таких документов, например, в „Программе демократического движения Советского Союза”, „Тактических основах”, „Время не ждет”, сформулированы программные установки и рекомендации по организации подпольной борьбы против КПСС. Комитетом госбезопасности принимаются необходимые меры к пресечению попыток отдельных лиц использовать „самиздат” для распространения клеветы на советский государственный и общественный строй. На основе действующего законодательства они привлекаются к уголовной ответственности, а в отношении лиц, попавших под их влияние, осуществляются профилактические меры. Вместе с тем, принимая во внимание идейную трансформацию „самиздата” в форму выражения оппозиционных настроений и взглядов и устремление империалистической реакции использовать „самиздатовскую” литературу во враждебных Советскому Союзу целях, полагали бы целесообразным поручить идеологическому аппарату выработать на основе изучения проблемы необходимые идеологические и политические меры по нейтрализации и разоблачению представленных в „самиздате” антиобщественных течений, а также предложения по учету в политике факторов, способствующих

щих появлению и распространению „самиздатовских материалов”» [1].

Как видим, война за мозги может быть и внешней, и внутренней. Внутренняя имеет больше возможностей: это школа и вуз, это литература и искусство. В советское время это были институты цензуры и репрессий, когда неправильные мысли изгонялись жесткими методами. Это все как бы создает «таблицу умножения» для мозгов, когда невозможен ни шаг вправо, ни шаг влево – нужно идти только вперед по идеологическому компасу, находящемуся в руках у власти.

Историк А. Тепляков говорит о сталинских репрессиях: *«Старались выбрать человека с максимально большим компрометирующим материалом. По происхождению, по его деятельности до революции, в ходе революции, после революции, сколько за ним было записано антисоветских высказываний, сколько у него знакомых, и вообще, насколько он широко общался, можно ли было на основе его связей слепить какую-то заговорищскую организацию. Потому что класс чекистской работы – это именно фабрикация групповых дел»* [2].

Точно таким жестким был контроль виртуального пространства, когда отслеживались не только книги, но и люди, их писавшие. Вениамин Каверин, например, вспоминал, не только о репрессиях, но и о том, как его во время войны вербовали спецслужбы [3]. И это при том, что он был уже известным писателем, автором «Двух капитанов» и военным

корреспондентом ТАСС. Система была сильнее любого человека независимо от его известности.

При этом «любовь» к Сталину в той или иной степени сохраняется. Автор нескольких книг о Сталине О. Хлевнюк так объясняет популярность Сталина и сегодня, видя в этом такие причины: *«Я бы сказал, с одной стороны, в историческом невежестве. Как правило, люди, когда говорят о сталинской эпохе, они имеют в виду вовсе не сталинскую эпоху. Они создают себе некий образ сталинской эпохи по принципу противоположного от сегодняшнего времени. То есть про все, что им не нравится в сегодняшнем времени, они почему-то предполагают, что в то время было совсем иначе. И начинают любить это выдуманное ими время»* [4].

Каждое время требует своего типажа политики и политика. Это одна из причин появления и Сталина, и Гитлера именно в их точках пространства и времени. И мышление масс вытащило на поверхность именно этих политиков, которые на следующем витке развития «подмяли» под свое видение население. Мир сложнее, чем нам кажется, он также вносит свою лепту в то, что может делать или не делать политик.

Глеб Павловский на своей странице в Фейсбук упоминает гипотезу о возможном варианте сталинской оттепели: *«„Сталинскую оттепель” 1933-36 впервые открыл Гефтер на кончике пера, с тех пор она подтвердилась Олегом Хлевнюком и многими, почти войдя в догму. Тайной остается*

только ее вектор. Гефтер считал, что дело шло к социализму с человеческим лицом – который не обязательно бы преуспел, но образовал „великую антифашистскую империю” в симбиозе с буржуазной Европой. 1937 был отчаянной попыткой Сталина исключить эту именно, „сталинскую” же альтернативу нормализации. В центре которой, оказывается, казалось бы, все уже проигравший Бухарин – проигравший, но пишущий для Сталина Конституцию 1936 года».

То есть массовое сознание направляют туда, где это нужно политикам. Долгой «оттепели» не случилось, зато пришла эпоха «врагов народа». Если оттепель породила бы большее разнообразие поведения, что резко затруднило бы управление, то ориентация системы на выявление и наказание «врагов» резко ограничила это разнообразие. Счастье было объявлено всеобщим, а несогласных отправляли в лагеря. Тем самым уровень счастья в стране мог неуклонно расти.

Х. Арендт говорит о создании одинаково мыслящих людей: *«Массовая атомизация в советском обществе была достигнута умелым применением периодических чисток, которые неизменно предваряют практические групповые ликвидации. С целью разрушить все социальные и семейные связи чистки проводят таким образом, чтобы угрожать одинаковой судьбой обвиняемому и всем находящимся с ним в самых обычных отношениях, от случайных знакомых до ближайших друзей и родственников. Следствие этого простого и хитроумного приема „вины за связь с врагом” тако-*

во, что, как только человека обвиняют, его прежние друзья немедленно превращаются в его злейших врагов: чтобы спасти свои собственные шкуры, они спешат выскокить с непрошенной информацией и обличениями, поставляя несуществующие данные против обвиняемого. Очевидно, это остается единственным способом доказать собственную благонадежность» [5].

Когда создаются условия выживания, а не жизни, в человеке раскрываются его более примитивные реакции, пришедшие из далекого прошлого. И в принципе суть Советского Союза скорее отражало стремление к консервации, чем стремление к инновациям. Это же и сегодня мешает развитию постсоветской экономики, для которой нужны не так барьеры, как снятие всяческих границ, включая информационные.

Д. Моррис, работавший в роли имиджмейкера с Б. Клинтонем, так говорит об отличии американского политика и российского. В Америке люди хотят перемен, в России – люди ценят стабильность [6]. Как видим, он точно повторяет то, что вписывается сегодня в позитив Путина. И это снова говорит о неправильной ориентации, поскольку то, что было главным тогда, не является главным сегодня. Кстати, Д. Моррис объяснял победу Клинтона сменой поколений в США. Новое поколение бэби-бумеров имело другой взгляд на мир, другие симпатии и антипатии.

В своей книге «Новый государь» он говорит о необходи-

мости отхода от экономического детерминизма в пользу ценностей [7]. Можно привести в подтверждение и мнение Р. Бенедикт, которая была в составе группы американских антропологов, рекомендовавших после войны не трогать фигуру японского императора, чтобы сохранить ценностную систему мира японцев [8]. В результате «плохими» были признаны (и наказаны) японские генералы, но не император.

Хотя ценностный подход у Д. Морриса трактуется шире, поскольку там, среди ценностей, есть и вполне экономические вещи, все равно ценностная ориентация дает сбой в условиях неработающей экономики. Люди хотят и хлеба, и зрелищ, а не только зрелищ...

В. Потуремский в своем докладе «Восприятие политического контента в условиях „новой политической реальности“». В поисках модели» акцентирует, что «российскому обществу свойственны эмоциональные черты большого клинической депрессией, которые особенно ярко проявляются при коммуникации граждан с властями «новой политической реальности», в которой находится российское общество. «Новая реальность» характеризуется высоким уровнем протестного голосования, ухудшением экономической ситуации, поиском нового общественного договора после пенсионной реформы, кризисом партийной системы и неэффективностью мобилизационной внешнеполитической повестки» [9].

Как видим, в этом списке стоит и «неэффективность мо-

билизационной внешнеполитической повестки». Эту российскую повестку ощущает на себе и Украина.

Люди теряют и понимание дня сегодняшнего и веру в будущее. У них давно исчезли те ориентиры, которые работали в советское время, а новых реально работающих ориентиров не появилось. Работавшие когда-то «компасы» в виде условного «налево пойдешь – ..., направо пойдешь – ...» исчезли. Наверное, это связано и с тем, что исчезло прошлое многообразие целей. Раньше человек стремился достичь успехов в науке, искусстве, на производстве. Сегодня все это стало одной целью – деньги и еще раз деньги. А этот параметр имеет одно измерение: много – это хорошо, мало – это плохо. Источник денег не имеет значения: хоть прокурорские, хоть бандитские.

В. Потуремский говорит в своем интервью о депрессивности следующее: *«Мы проводим аналогию между тем, как общество в данный момент воспринимает политический контент, информацию, связанную с деятельностью власти, и спецификой поведения и мышления, наблюдаемой у людей, страдающих от депрессивного расстройства. С людьми в таком состоянии нужно разговаривать о том, что у них „болит“. И нужно учитывать, что существуют фильтры, некие барьеры, искажающие оценку и восприятие информации. Важно помнить, что в таком состоянии у человека сильно меняется восприятие времени. Например, если власть говорит, про изменения произойдут через два-три*

года, боюсь, это не может быть услышано избирателями. Потому что их перспектива – два-три месяца. [...] Когда люди начинают голосовать за кандидата с нулевой известностью просто из-за того, что он оппонент власти, как раз в таких случаях за поведением избирателей стоит проигрывание депрессивного сценария» [10].

Коммуникации несут не только создание реальности, но и разрушение ее, чему примером служат любые протестные акции. Студенческие протесты (Париж, Прага, Пекин) знаменовали переход к новому состоянию человечества. Украинские майданы были «переключателем» действительности на новые направления. Сегодняшние протесты «желтых жилетов» отменили пенсионную реформу во Франции. Мир остается живым, пока его можно изменять. У французских студентов был красивый лозунг «Запрещается запрещать». И сильные государства стараются в принципе минимизировать запреты. И они же научились управлять протестами.

Литература

1. Воспоминания о самиздате <https://www.stihi.ru/2013/04/17/4165>
2. Соколов М. Алексей Тепляков: «В Вологодской области чекисты рубят приговоренных к расстрелу топорами. В Новосибирской – в одной из тюрем задушили более 600 человек...» <https://www.svoboda.org/a/24662264.html>?

3. Каверин В. Эпилог. Главы из книги // Нева. -1989. – № 8

4. Фаворов П. Был ли Сталин необходим?

Я доказываю, что нет. Интервью с О. Хлевнюком <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/byl-li-stalin-neobhodim-ya-dokazyvayu-что-net/>

5. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. – М., 1996

6. Чудодеев А. Профессия – имиджмейкер. Интервью с Д. Моррисом // Communicator. – 2006. – N 1 – 2

7. Morris D. The new prince. – Los Angeles, 1999

8. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японский культуры. – М., 2004

9. Жертвы политических депрессий <https://www.kommersant.ru/doc/4178529>

10. Потуремский В. Коммуникация должна строиться на языке избирателей <http://www.prisp.ru/opinion/2395-ponomarev-poturemsky-novaya-strategia-kommunikacii-1805>

Гуманитарный инжиниринг: от Сталина до дня сегодняшнего

Мы живем в мире, видение которого навязано нам с помощью медиа. Это может быть и случайным процессом, и вполне системным. Особенно явно это становится в периоды выборов, когда каждая из сторон хочет навязать избирателям свою модель мира. Эти процессы можно обозначить как гуманитарный инжиниринг. В этих случаях с помощью изменения картины мира пытаются изменить сам мир.

Религия и идеология столетиями делали это, борясь с отклонениями в поведении с помощью подчинения сакральному. В результате они стабилизировали поведение на долгие периоды времени. Маркс или Ленин были такими же сакральными фигурами, как боги в религиях, и построение коммунизма было таким же путем в рай в результате правильного поведения.

Мир строится и меняется каждый день. В нем есть долговременные тенденции, которые меняются редко, и кратковременные – постоянно «пульсируют». По-настоящему завтрашний мир всегда оказывается другим.

Е. Островский и П. Щедровицкий задают гуманитарные технологии как «технологии создания, изменения и обработки рамок и правил поведения людей» [1]. Но этого мало для реального определения, поскольку в нем акцентирова-

ется только результат, а пути и методы достижения этой цели отсутствуют. Кстати, даже репрессии, как это ни странно, тоже укладываются в это определение гуманитарных технологий. Мы должны, как нам представляется, акцентировать то, что это технологии информационного и виртуального пространств, что позволит нам отбросить репрессии как технологии физического пространства, то есть это технологии воздействия на разум. В отличие от технологий воздействия на тело человека.

Современный человек все более отрывается от главенствующей роли материального компонента в своей жизни. Но материальное все равно управляет им, когда, например, он делает выбор между двумя марками роскошных автомобилей, что так же сложно, как выбор картошки на базаре на прошлом витке истории.

Е. Островский рассуждает: *«В современном языке принято полагать, что человек есть целостная личность. Принято полагать, что такой человек, каков он сегодня, был всегда. Принято полагать, что нет никакого вопроса о человеке: посмотри вокруг – вот они, человеки, ходят, с двумя ногами, без перьев. А если и пойдет разговор о том, что человека можно менять, что доступны техники его развития, что можно строить человека, то он сразу упрется в жесткий и грубый дискурс кодирования, зомбирования, в лучшем случае – программирования. При этом как-то забывается, что зомбируют мертвых. Забывается, что язык*

кодов – это профессиональный язык, который в публичное пространство сложно выносим просто потому, что слово „код” имеет огромное число смыслов в разных профессиональных средах, и потому в сегодняшнем дискурсе – в пределе – может означать все, **что угодно**. Что же касается программирования, то должен сказать, что пугать им людей бессмысленно, так же, как пугать ежа сами знаете чем. Потому что почти все люди, сидящие в этом зале, – это давно запрограммированные люди. В зале есть буквально единицы тех, кто не программирован. Или даже – скажем точнее – распрограммирован. Это представители древних религиозных традиций, испытавших серьезнейшие вызовы и серьезнейшие уязвления в XX веке в России. Остальные запрограммированы. Включая меня. И вопрос состоит не в том, хорошо или плохо программирование, а в том, как способен и способен ли вообще человек перепрограммировать себя. Оставляю в стороне вопрос: не является ли вообще любой человек носителем той или иной программы. Ибо эта тема отдельного и большого разговора. И я был бы готов в таком разговоре поделиться своими сомнениями на этот счет, *et pro, et contra*. Мы не можем не заметить, что в XX веке по отношению к России несколько раз были осуществлены масштабнейшие программные, кодирующие воздействия. И теперь, чтобы сладить с этой хворью, с этим вывихом нужно овладеть техниками его вправления. Пора вправлять культуру. Вправлять язык. И потому наше внимание к, беря ши-

ре, теме человека как инженерного сооружения, если хотите – как архитектурного сооружения, можно оценивать очень по-разному, но нельзя замалчивать и выводить за рамки публичного обсуждения» [2].

И военные также смотрят в этом же направлении. Российский вариант информационных войн базируется на смене восприятия у объекта воздействия, чтобы он видел не то, что есть на самом деле, а то, что хочет, чтобы он видел, субъект воздействия. Базис этих войн именуется рефлексивным управлением противником, являясь одним из трех главных в мире.

Однако вся система управления массовым сознанием – это та же работа по переводу массового сознания на то, чтобы он видел нужное власти и не видел ненужного ей. Если раньше это делала программа «Время», то сегодня делают телевизионные ток-шоу, набирающие экспертов по силе их «оручести»: *«„Почему все орут друг на друга на шоу? Наш зритель – это, в основном, домохозяйки, которые днем дома, и им не нужны философствования, разъяснения или глубокий анализ, у них телевизор работает фоном, пока они готовят обед или его едят. Задача канала – дать им эмоции, за хрустом капусты, которую хозяйка жует перед телевизором, слов все равно не слышно. И мы даем им эту страсть. А гости программы уже знают, что от них ждут, и ведут себя соответственно»*, – рассказал изданию [«Инсайдер» – прим. автора] другой сотрудник канала, работающий на полити-

ческое ток-шоу. *«„Время покажет” – это шоу для домохозяек, это не серьезный разговор, а способ развлечь людей разговором на политическую тему. Серьезную дискуссию, увы, никто и не собирается затевать. Если взять Украину, то (...) главное тут – это визг, крик и эмоции. Это сублимация эмоций на политическую тему»*, – добавляет Иржи Юст, чешский журналист, участник ток-шоу. [3]

Поле воздействия интересно всем: от бизнеса до политиков и военных. Изменение поведения стало целью многих подходов, включая, например, как выборы самого Трампа, так и попытки влиять на них со стороны российских ботов. Эта же цель лежит в основе британских информационных операций в отличие от американских. Чем на больший массив людей нацелено воздействие, тем сложнее его осуществить. Но так было до тех пор, пока алгоритмы по работе с big data не обратились к самой big data, собираемой новыми техническими платформами, что и сделало информацию «новой нефтью».

М. Гельман, например, называет себя гуманитарным инженером, работая в сфере прагматики культуры. Он видит эту специальность в таком виде: *«Это такой человек, который понимает, как с помощью искусства менять жизнь. Менять пространство, зарабатывать деньги, взрывать общество и прочее. Потому что индустриальный этап привел к нивелированию универсального. Мы живем в мире, где победил технарь, и этот победитель получает все: если он,*

скажем, сделал удивительный гаджет, то создатели других гаджетов проиграли, потому что его игрушкой теперь весь мир пользуется. Так вот, в 21 веке, который только начался, выиграет тот, кто на основе этого гаджета создаст уникальный контент. Это потому еще стало возможно, что высвободилось очень много времени, а чтобы такие вещи создавать, нужно как раз время. И с этим свободным временем можно работать так же, как и с деньгами: время – это капитал. Его можно потратить впустую, а можно инвестировать. В определенном смысле это уже началось и на трех китах стоит – кино, искусство и издательства. Издания книг, например. Три кита таких... Они много приносят экономике. Сельское хозяйство – четыре процента, и эта триада – семь! Смотрите – живут, например, какие-нибудь учителя – в Париже или Урюпинске – не столь важно. И примерно то же самое делают: работают, готовят, спят... Отличаются они только тем, как проводят свое свободное время. Вот за их свободное время художник и борется. Конкуренция уже идет не между отдельными художниками, а, скажем, между городами – кто креативнее, Париж или Берлин?» [4].

Из всего этого можно сделать вывод, что именно производство контента является главной задачей гуманитарного инженера, а этот контент художественного порядка может быть заточен под те или иные социальные цели. Можно менять людей, а можно и целые государства. Например, Сталин

увидел потребность в создании в обществе такого параметра, как «враг народа», и все государство занялось выявлением этих несуществующих врагов, в результате чего удалось создать и мобилизационную политику, и мобилизационную экономику. То есть была порождена некая мобилизационная демократия, которая существовала в конституции, но которой не было в жизни. И даже автор этой конституции (Н. Бухарин) исчез в водовороте недемократических событий, и она стала именоваться сталинской.

Думающих иначе или расстреливали, или отправляли в лагерь. А. Тепляков говорит о 750 тысячах расстрелянных в 1937–1938 годах. В войну только военнотружущих было расстреляно еще 160 тысяч [5]. Количество репрессированных также задавалось тем, в каком регионе страны это происходило: *«Играло роль и недавнее прошлое того или иного региона, насколько он был активен в Гражданскую войну с точки зрения антисоветского повстанчества. Сибирь же была территорией огромных антибольшевистских восстаний, большинство их участников было в свое время амнистировано, а теперь их вылавливали и – через 15 лет – добивали. Масса зажиточного населения, огромный протестный потенциал еще с 1920-х годов, огромный опыт в том числе вооруженного сопротивления коллективизации... Вот за все это в 1937-м и пришла расплата. В Белоруссии были очень жестокие репрессии, в Украине – жесточайшие, в два раза выше, чем по стране. А в Сибири – в четыре раза выше»*

([6], см. его монографию [7]). В этой монографии есть и такое наблюдение: «Некоторые книги самого наиреволюционного содержания могли быть запрещены исключительно по причине нежелательных аллюзий. Так, в 1928 году по настоянию ОГПУ были конфискованы книги В. Л. Бурцева „В погоне за провокаторами” и П. Е. Щёголева „Секретные сотрудники и провокаторы”, как сообщали цензоры, „из-за оскорблений специального характера”, под которыми подразумевались сведения о технике царского политического сыска, взятой на вооружение большевиками».

Интересно, что не только «враг» был важным моментом описания действительности, задававшим поведение каждого, но и героизация работников спецслужб, пришедшая с «врагом». Исследователи отмечают: «Шпионская картина „Ошибка инженера Кочина” (1939), снятая А. Мачеретом по мотивам пьесы братьев Тур и Л. Шейнина „Очная ставка”, была посвящена бдительности перед лицом вездесущей вражеской разведки, вербующей советских людей и похищающей государственные секреты (шпион был разоблачен благодаря внимательности рядовых граждан). Тогда же на аналогичную тему появилась картина Е. Шнейдера „Высокая награда” (1939), в основе сюжета которой – кража шпионами чертежей новейшего советского самолета. Образы работников невидимого фронта в кино наделялись былинными чертами, а помощь им объявлялась высшим долгом советского гражданина – от мала до велика. Также проводилась

мысль, что шпионом и диверсантом может оказаться любой. Кинематограф последующих десятилетий продолжал усердно героизировать чекистов, выдвигая на первый план фигуры доблестных разведчиков периода Гражданской и Великой Отечественной войн („Щит и меч”, „Тихая Одесса”, „Семнадцать мгновений весны”, „Операция “Трест”»)» (Там же).

«Враг» как элемент управления массовым сознанием и сегодня оказался востребованным. Более того, он логически встраивается в ментальные схемы массового сознания. А. Желенин пишет: «Большинство в России (повторю, вне зависимости от партийной принадлежности) убеждено, что президент все делает правильно. В телевизоре показывают, как находчиво и остроумно он отвечает врагам России. Из того же ТВ это большинство в ежедневном режиме узнает, как наша страна побеждает врагов одного за другим. Но повседневная жизнь большинства при этом почему-то становится все хуже и хуже. Цены в магазинах и долги банкам растут, а зарплата не увеличивается... А если ты, как тот же лубянский стрелок, потерял работу, то дело совсем швах. Это тяготящее душу противоречие нужно как-то себе объяснить, иначе возникает то состояние, которое в психологии называется когнитивным диссонансом. В этом случае самый простой выход из него – поиски внутренних врагов, которые суть оккупанты или их пособники. Как только ты сам это понял (или тебе это объяснили), на

душе сразу становится легче. Но при условии, что от „окупантов” на твой счет ежемесячно капает зарплата» [8].

Масштабность довоенных репрессий можно увидеть и по косвенным признакам. В рассказе об известном певце, композиторе и авторе песен Вадиме Козине, который тоже угодили за решетку, возникло имя Александры Гридасовой – гражданской супруге всесильного директора Дальстроя Ивана Никишова: *«Гридасова была уникальной женщиной. Она любила музыку и хотела даже ставить оперы в Магадане. [...] Гридасова захотела поставить „Травиату”, но в ее распоряжении не было музыкантов. Певцы были – уже сидели по 58-й статье. А оркестра не было. И тогда Никишов ее успокоил: „Потерпи немножко. Мы уже арестовали оркестр львовской филармонии, и скоро он целиком приедет сюда”. Вот такие были времена. Гридасова по всем лагерям выискивала знаменитых актеров и музыкантов, а потом вытаскивала их в Магадан. Даже в шестидесятые годы, когда я приехал на Колыму, половина труппы Магаданского театра музыкальной драмы и комедии все еще были лагерные» ([9], см. также о судьбе еще одного актера – Г. Жженова [10]).*

Такой опыт учит «не болтать лишнего», что и усвоил Козин: *«Когда в гости к Козину приехал Евтушенко, он был крайне возмущен тем, как осторожно Вадим Алексеевич высказывается о Сталине, старается уклониться от ответа. Евтушенко со свойственной ему экспансивностью произнес длинную речь примерно с таким смыслом: „Как може-*

те так говорить вы, человек, которого Сталин лишил родного города, близких людей, возможности заниматься творчеством и загнал в лагерь?» Козин ответил, что Евтушенко не был на его месте, и ему очень легко судить» (Там же).

Все это разные варианты торможения информационных потоков, альтернативных официальным. Тоталитарные и авторитарные государства особо специализируются именно в этом, предпочитая иметь дело с информационным монопротранством, когда все говорят «правильно».

Россия сегодня породила закон о гражданах-иноагентах, которых тоже винят в неправильных словах. Обсуждая его, Л. Гудков говорит: «Механизм различения „свой – чужой” в обществе работает. И работает довольно эффективно. В отношении самой власти, кстати, в том числе. Но это не мешает власти запускать этот механизм, когда ей требуется консенсус, чтобы общество с ней солидаризовалось, например, перед лицом этой некой внешней угрозы. Поэтому то, что сейчас делает власть, характерно для авторитарных режимов – репрессивная политика по дискредитации оппонента, любых несогласных, любых недовольных. Это же уже было, о чем и сказано в нашем письме: „кулаки”, „подкулачники”, „враги народа”, „лишенцы”, „подрывные элементы” и все такое прочее. „Иноагенты” – это в тот же ряд. Принимается ли это обществом? В большинстве случаев нет. Люди понимают, что это такая устрашающая и дискредитирующая политика властей, чьи интересы

здесь совершенно очевидны – выявить некую группу, которая должна стать объектом коллективного недоброжелательства и вражды» [11].

Все это попытки создания системы правильного говорения, сюда же относятся и разработки по поводу закрытия интернета, что не так радостно приветствуется населением, которое не так часто любит любые виды ограничений [12–13]. Уже даже учения проводятся по изоляции интернета [14–16].

Или удивительный запрет детского спектакля «Чиполлино»: *«Хотя уж точно не Джанни Родари виноват, что его сказка стала такой актуальной в современной России, и бунт овощей бдительные цензоры приравняли к политической сатире. Ну а как еще трактовать, например, такую цитату из сказки: „Тюрьмы построены для тех, кто ворует и убивает, но у принца Лимона все наоборот: воры и убийцы у него во дворце, а в тюрьме сидят честные граждане”» [17–18].*

Со времен А. Райкина мы помним, что государство разрешало смеяться над портным, но не над самим собой. И, как говорится, словами Черномырдина – «никогда не было, и вот опять»: *«В Московском Лианозовском театре состоялся спектакль со странным названием „#рябчиковзуй #новыдержитесь”. На самом деле это была интерпретация повести Джанни Родари „Чиполлино” в Центре театрального искусства Александра Таттари, который через некото-*

рое время сообщил, что „Чиполлино” запретили. Несмотря на то, что эта работа была отобрана в программу XVI международного театрального фестиваля любительских театров „Молодые – молодым”. Был предварительный отбор по полной видеозаписи, аннотации и фото. „Мы получили официальное приглашение, – говорит Александр Татари. – Вышла афиша. На открытии фестиваля был ролик с нашим участием. Показ должен был состояться 9 ноября в 12:00 на площадке ЦК „Сцена” (организатор фестиваля). Спектакль играют подростки, они готовились, пригласили зрителей. Спектакль до этого был показан на одном всероссийском и одном международном фестивалях, получил награды. 6 ноября, уже в период проведения фестиваля, поздно вечером директор ЦК „Сцена” А. В. Петрова, позвонив мне, запретила показ. При этом были озвучены следующие мотивы: такое нельзя показывать на сцене государственного учреждения, у нас сотрудники, семьи, ипотеки, она не может рисковать, вы сами должны понимать, она приносит свои извинения» [19].

Е. Островский также напоминает исторические примеры: «Когда рунические поэты, тысячу лет назад задавшие Европе политическую культуру, строили свои рунические стихи, они не считали себя людьми, описывающими реальность. В то время был особый жанр – „драпа” – песня славы. Некий культурный деятель Северной Европы тех времен говорил: „Дайте мне новобранца или молодого князя”, главное, что-

бы это был серьезный человек, и я сделаю из него героя. Я спою песню о его будущих подвигах. И он их совершит". Но был и иной жанр – „нид” – песня хулы. Она рушила человека. И за сочинение ниды поэта могли казнить. Или взять „виру” как за убийство. Может показаться, что я говорю вещи, не имеющие отношения к сегодняшнему дню. Однако давайте поищем в современной культуре аналог, соразмерный по значимости древним скальдам. Более чем вероятно, мы скажем: нашли, да, это телевидение! Возможно. Все больше экспертов – в частности известный историк, теоретик стратегии и критик Сергей Переслегин – утверждают: современный телепродукт в массе своей нацелен на разрушение доверия внутри общества. Особенно он ополчается на серию телеигр, основанных на принципе „подставь своего”. Он имеет в виду „Слабое звено”, „Последнего героя”, „Голод”. Интриги, предательства, удары в спину – все это совершается перед камерой. И фиксируется как норма. Как пример. И никто не стесняется сказать на всю страну: „Она слишком хорошо проявила себя в последней серии испытаний. Это стало опасно. Поэтому я договорился с X, Y и Z голосовать против нее, а чтобы она не догадалась, продолжал оказывать ей знаки внимания”. Переслегин справедливо замечает: мы имеем дело с телевоспитанием предателей. Интриганов. Известнейший специалист по кино Даниил Дондурей из раза в раз пишет, что художники не устают вдалбливать обществу свою депрессивную версию реальности, путают и мо-

рочат жизнеспособных зрителей. Да, к счастью, нынешнее телевидение не приспособлено для порождения смыслов. Но оно может транслировать массам то, что стало общим местом в культурной среде. И если это предательство и депрессия – опасность очевидна» [20].

Массовое сознание живет во многом своей жизнью, которая может отличаться от индивидуального сознания каждого из нас. Массовое сознание на виду, чего нельзя сказать о сознании индивидуальном. Правда, в некоторые эпохи это и помогает выживать. В советское время это называлось поколением дворников и сторожей [21–22]. Это были люди, которые уходили от идеологического счастья с потерей карьеры и благополучной жизни. Правда, Д. Травин связывает их с Путиным: *«Семидесятники, к которым относится и нынешний наш президент, сочинили о себе красивую сказку как о поколении дворников и сторожей. Но на самом деле это поколение тех „дворников”, которые проводили зачистки на Северном Кавказе, и тех „сторожей”, которые стерегут сегодня Россию с помощью многочисленных спецслужб» [23].* Отсюда следует и другой вывод: государство все равно тебя найдет и поставит себе на службу. К тому же, сегодня стало сложнее уклониться от воздействия медиа: если ты не любишь телевизор, тебя все равно найдут в соцсетях...

Поскольку государству нечем похвастаться в настоящем, оно легко и просто переключают нас на прошлое. Именно прошлое гибко меняется со сменами политических режи-

мов. Вроде все то же на месте, но реинтерпретация меняет многое. Гибкое прошлое, как мечта Оруэлла, стало нашим настоящим.

Потеряв настоящее и будущее, власть берет на вооружение прошлое. Как акцентируют публицисты: *«Споры об истории помогают власти. Они позволяют перевести конфликт из реальной области со всеми ее ощутимыми противоречиями в область символическую, сферу интерпретаций, которые стали частью национальной идентичности. Российское общество по многим признакам является современным. Но архаический субстрат в его ментальности заметен и силен. Он проявляется, в частности, в том, что люди нередко в своем поведении или образе мысли ориентированы на прошлое, устремлены к нему. Если картине „хорошего“ или „великого“ прошлого что-то или кто-то угрожает, это воспринимается как вызов настоящему и будущему. Обществом, ориентированным на прошлое, легче управлять. Назад оглядывается человек, не чувствующий уверенности в настоящем. У него часто не получается быть самостоятельно успешным в сложном контексте социальных и экономических отношений. Ему необходима поддержка, помощь, гарантии – и все это он получает от государства. При этом государство воспринимается как проекция воли правящей элиты, а не общества. Отношение такого социума к власти – это надежда и благодарность. В истории человек, живущий в таком обществе, видит не биогра-*

фши людей, вступающих в конфликт с властью, страдающих от нее, а само государство, которое совершает ошибки, но не преступления, и действия которого очень часто можно оправдать. Это государство может обретать разные формы – от монархии до советского проекта или „суверенной демократии“. „Не нужно мазать все только черной краской!“ – такой призыв в разговорах о прошлом стал клише. Но это призыв защитить от очернения не людей, живших в сложные времена, а власть и покорность ей общества. Правящая элита легко переключает внимание общества на прошлое, историю, незаконченные войны, когда она сама не может ничего определенного сказать о будущем» [24].

И мнение А. Витухновской: «История – это не предмет гордости и поклонения, это буквально перепись ошибок и летопись просчетов. Отдельными историческими персонами и явлениями можно восхищаться, но не забывайте, что таким образом вы вырываете их из общего контекста, наделяете несуществующими качествами и фактически воссоздаете в собственном сознании свою уникальную версию исторического полотна, не имеющую ничего общего с реальностью» [25].

Все это говорит о том, что мы живем во многом в вымышленной реальности, где смешаны в разной пропорции прошлое, настоящее и будущее в зависимости от преследуемой цели. Государство может разворачивать эту модель в разные стороны, а все считают это реальностью.

Государство стремится к тому, чтобы его глаза и уши были глазами и ушами любого гражданина. Не следует смотреть и слушать то, что государство не считает важным. Но акцент на прошлом, а не на будущем, запрет на сатиру – это уже смена не только глаз и ушей, но и мозгов. А мозги всегда были самым уязвимым местом...

Литература

1. PR и гуманитарные технологии – иллюзия противостояния? <http://soob.ru/n/2002/2/s/32>
2. Островский Е. Человек как инженерное сооружение: племя, телесность (кооперация), город <http://soob.ru/n/2011/0/0/6>
3. Скляревская Г. Почему на политических ток-шоу все время орут? Отвечают сотрудники российского Первого канала <https://detector.media/medialife/article/173474/2019-12-23-pochemu-na-politicheskikh-tok-shou-vse-vremya-orut-otvechayut-sotrudniki-rossiiskogo-pervogo-kanala/>
4. Гельман М. У меня теперь профессия гуманитарного инженера. Интервью <https://newizv.ru/interview/17-12-2019/marat-gelman-u-menya-teper-professiya-gumanitarnogo-inzhenera>
5. Тепляков А. Власть не ассоциирует себя с репрессированными. Интервью <https://tayga.info/107485>

6. Судьба палачей. Интервью А. Теплякова <https://novayagazeta.ru/articles/2018/11/17/78612-sudba-palachey>
7. Тепляков А. Г. Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. – Новосибирск, 2018
8. Желенин А. Шаг от пропаганды до стрельбы <https://www.rosbalt.ru/blogs/2019/12/24/1820176.html>
9. Аронова М. «Ему не давали забыть, что он сидит в клетке». Как НКВД сломал жизнь великого тенора Вадима Козина https://www.sibreal.org/a/30333305.html?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=chasto-vystupal-pered-dalstroevsk&utm_content=35762612
10. Хустик С. 17 лет провел в сталинских лагерях и ссылках актер Георгий Жженов <https://www.sibreal.org/a/30312803.html>
11. О смысле и последствиях закона о гражданах-иноагентах. Интервью Л. Гудкова <https://www.levada.ru/2019/11/29/o-smysle-i-posledstviyah-zakona-o-grazhdanah-inoagentah/>
12. Путин подписал закон об изоляции Рунета https://zn.ua/WORLD/putin-podpisal-zakon-ob-izolyacii-runeta-316406_.html
13. Путин подписал закон о «суверенном интернете». Он вступит в силу через полгода <https://www.bbc.com/russian/news-48126218>
14. В России прошли учения по изоляции Рунета. Минкомсвязи назвало их успеш-

ными <https://meduza.io/news/2019/12/23/v-rossii-nachalis-ucheniya-po-izolyatsii-runeta-vlasti-obeschali-cto-obychnye-polzovateli-nichego-ne-zametyat>

15. Кречетова А. Минкомсвязи подвело итоги первых учений по закону о «суверенном рунете» [https://www.vedomosti.ru/technology/news/2019/12/23/819484-suverennom-runete?](https://www.vedomosti.ru/technology/news/2019/12/23/819484-suverennom-runete?utm_campaign=vedomosti_public&utm_content=819484-null,null,null,null,null,null,null,null,suverennom,runete&utm_me)

[utm_campaign=vedomosti_public&utm_content=819484-null,null,null,null,null,null,null,null,suverennom,runete&utm_me](https://www.vedomosti.ru/technology/news/2019/12/23/819484-suverennom-runete?utm_campaign=vedomosti_public&utm_content=819484-null,null,null,null,null,null,null,null,suverennom,runete&utm_me)

16. Баталова Е. «По полю будут бегать солдаты». Как в России прошли первые учения «суверенного интернета» <https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/24/83274-po-polyu-budut-begat-soldaty>

17. Волошина В. Какой эпидемии боятся в России? <https://www.rosbalt.ru/blogs/2019/12/18/1819102.html>

18. В Москве на фестивале любительских театров запретили спектакль по «Чиполлино» <https://www.rosbalt.ru/like/2019/11/08/1812202.html>

19. Вохлачев С. В сетях заметили, что на ТВ прорывается политическая сатира. «Чиполлино», Галкин и другие опасности http://www.ng.ru/stsenarii/2019-12-23/10_7759_politics.html

20. Островский Е. Да здравствует (контр)революция! <http://soob.ru/n/2011/0/0/3>

21. Михайлова Е. «Поколение дворников и сторожей» – откуда оно взялось и куда ушло. Часть

1. <https://www.yburlan.ru/biblioteka/pokolenie-dvornikov-i-storozhej-otkuda-ono-vzjalos-i-kuda-ushlo-chast-1>

22. Михайлова Е. «Поколение дворников и сторожей» – откуда оно взялось и куда ушло. Часть 2.

2. <https://www.yburlan.ru/biblioteka/pokolenie-dvornikov-i-storozhej-otkuda-ono-vzjalos-i-kuda-ushlo-chast-2>

23. Травин Д. Генерация Путина: «поколение дворников и сторожей»? <http://www.press.lv/post/generatsiya-putina-pokolenie-dvornikov-i-storozhej/>

24. Почему власть опять заговорила об истории. Обществом, ориентированным на прошлое, легче управлять http://www.ng.ru/editorial/2019-12-23/2_7759_editorial.html

25. Витухновская А. От путча до «Птюча»: почему мифологизировать Россию 90-х – это глупо <https://newizv.ru/article/general/25-12-2019/ot-putcha-do-ptyucha-pochemu-mifologizirovat-rossiyu-90-h-eto-glupo?fbclid=IwAR2haF0zIhlLYgk-Vbmo7mboesTqgSSPTqFGohRu-TX78g4rE5YT5iaoXEes>

Как сегодня идеологию заменила имиджелогия

Мир и, соответственно, мы всегда жили в искусственной реальности. Кстати, этим можно объяснить определенный расцвет в СССР не только пропаганды, но и искусства. Идеология в своем воздействии на человека опиралась на эти два крыла – пропаганды и искусства. Если тебе не нравилась пропаганда, ты все равно получал свою порцию идеологии из сферы искусства. А привлекательность искусства была, несомненно, на порядок выше пропаганды. Это было связано и с тем, что за пропаганду платит государство. А за литературу и искусство должен платить из своего кармана сам гражданин.

Создавать произведения под жесткую идеологическую кальку было тяжелым процессом. И для некоторых писателей, например, А. Фадеева, это кончалось плохо. В своем предсмертном письме, рассекреченном через три десятка лет, А. Фадеев говорит следующее:

«Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожили, идеологически пугали и называли это – „партийностью”. И теперь, когда все это можно было бы исправить, сказалась примитивность, невежественность – при возмутительной доле самоуверенности – тех, кто должен был бы все это исправить. Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных. Еди-

ницы тех, кто сохранил в душе священный огонь, находясь в роли париев и – по возрасту своему – скоро умрут. И нет никакого стимула в душе, чтобы творить... Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, с рабочими и крестьянами, одаренный богом талантом незаурядным, я был полон самых высоких мыслей и чувств, какие только может породить жизнь народа, соединенная с прекрасными идеалами коммунизма. Но меня превратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плелся под кладью бездарных, неоправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспоминать все то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических пороков, которые обрушились на меня, – кем наш чудесный народ вправе был бы гордиться в силу подлинности и скромности внутренней глубоко коммунистического таланта моего. Литература – это высший плод нового строя – унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти – невежды. Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь

и клевета, ухожу из этой жизни» [1].

Слова Фадеева должны служить вечным уроком всему постсоветскому пространству, где все время присутствуют попытки «обуздать» медиа, поскольку литературой никому не интересно заниматься из-за падающего числа читателей. Власть же интересуют не читатели, а почитатели, которые должны возникать из потребления информации медиа.

Мощная система образцов-образов сопровождала человека всю жизнь. Для ребенка – это пионеры, дальше комсомольцы и коммунисты. Это работа идеологии в виде пропаганды, но ее серьезно дополняло искусство. Пропаганда дает шаблон поведения, искусство – его вершины, которые всегда индивидуальны. И герой массового фильма все равно для нашего восприятия являются индивидуальным типажом со множеством характеристик. Человек с плаката не имел имени, герой искусства всегда имел массу индивидуальных характеристик.

Если идеология имеет прямые контакты с реальностью, то имиджелогия может их и не иметь. Влияя на реальность, она в то же время может не отталкиваться от нее. В то же время, например, смена государственного капитализма на либеральный опиралась на то, что из единого государственного центра невозможно иметь информацию о конкретных потребностях на разные виды продукции в самом внизу.

Идеология прямо и косвенно управляла реальностью, сегодня происходит подмена реальности имиджелогией. Обра-

зы счастья сегодняшнего или завтрашнего, которые рисовала идеология (или религия), должны осесть в мозгу в виде конкретных картинок богатства, здоровья и под. Это как бы модель новогодних пожеланий, куда каждый должен вписать сам то, что ему ближе и понятнее. Идеология всегда должна переводиться на язык реальности.

Идеология – это долгосрочный игрок, она, как и религия, не меняется быстро, для новой идеологии нужны и новые поколения, поскольку старые поколения будут долго опираться на старую идеологию.

При «нуле» идеологии лидером становится имиджелогия. При полярной смене идеологии (с «плюса» на «минус») нужна новая идеология плюс люди с новым имиджем. В перестройку это сделали путем выпуска на сцену молодых и пламенных журналистов, а также старых борцов с прошлым режимом. Соответственно, запустили старые книги, которые считались «антисоветскими», и до этого обитали только за рубежом.

При неработающей идеологии, типа «застоя», когда идеология ритуализировалась и ее месседжи уже не «читались» как настоящие, требующие понимания, хотя повторялись с экранов, имиджелогия заменяет идеологию. Она точно так управляет массовым сознанием, уже не считаясь идеологией.

Нормальный человек никак не пересекается с первоисточником идеологии. Он не читает собрание сочинений классиков. Единственно, что ему встретится по жизни – это памят-

ники людей, отобранных для него идеологией. И эти памятники не могут быть модернистскими, а должны быть сделаны в стиле реализма. Образ Ленина в советское время был даже на октябрятской звездочке – как это принято с кудрявой головой.

Сегодняшний официальный отказ от идеологии делает ее невидимой, но не делает несуществующей. Правила всегда есть. Идеология может проступать наиболее часто, например, в истории, где всегда присутствуют и герои, и враги.

Каждая страна выбирает свою точку истории, где скрытая идеология проявляется наиболее сильно. Для СССР это был 1917 год, откуда он пытался выводить всю историю человечества. Россия смещается к празднованию другой даты – дню победы 1945 года.

А. Колесников заявляет: *«Естественно, это год 75-летия Победы, все силы будут брошены на мифологизацию исторической политики, которой Путин питается все эти годы, он же у нас единственный наследник Великой Отечественной войны, он единственный, кто вообще победил в этой войне практически, практически в ней поучаствовал, судя по тому, как с каждым юбилеем это празднование оказывается все более пафосным и все более формальным, все более путиноцентрическим. С отказом от того, чтобы думать, с отказом от того, чтобы горевать. Исторический ритуал – это обычно совместное горевание. Это горевание становится пластмассовым»* [2].

Наш опыт идеологии всегда состоял в том, что государство насильно кормило нас своими идеями, особо не заботясь о том, хороши ли они для нас. В литературе и искусстве это могло быть спрятано за сюжетом, в истории и разных видах общественных наук громко кричало, начиная с обложки учебника или монографии.

В послевоенное время «пламя» идеологии то гасло, то разгоралось сильнее. Но никогда советский человек не оставался один на один с жизнью, у него всегда были идеологические поводыри, и мы всегда жили в борьбе за счастливое будущее человечества.

Уже ближе к нашему времени идеологию стал представлять/манифестировать телевизор. Он был и законодателем мод, и законодателем мыслей. И не потому, что самый умный. Любая массовая коммуникация по определению должна рассчитывать на всех, поэтому она не может быть умно-книжной.

Телевизионные новости начали умирать с приходом интернета.

Телевизионные мысли внезапно закончились. Если раньше мысли шли цитатно, как анекдоты, которые надо знать дословно, без этого анекдот разрушается, поскольку сила его в нюансах мыслей.

Сегодня скорее телевизионные ток-шоу бесконечным говорением практически одного и того же призваны породить правила, а свои мысли уже можно кроить по вводимым пра-

вилам. И мы это уже проходили, когда по идеологическим лекалам создавались не только новости, но и художественные произведения.

Если когда-то главным советским идеологом был М. Сулов, то сейчас главным российским телеидеологом служит В. Соловьев. Причем он выдает на гора свои истины, вырабатывая их в натужной борьбе с гостями, отобранными заранее для «идеологической порки».

Как пишет О. Пухнавцев о Соловьеве, называя его «актером актерычем», инструментарий его один и тот же во всех передачах: *«Когда вам становится ясен принцип, когда вы знаете заранее, что очередная реплика ведущего будет натужно ироничной, зрелище превращается в пытку. О чем бы ни шла речь, какие бы темы ни обсуждались, Соловьев обязательно вернет что-нибудь саркастическое. Гость студии может пылко что-то доказывать, но его, скорее всего, оборвут, снизят пафос неуместной фразочкой, репризой, насмешливой и даже глумливой»* [3].

Здесь в таком телепоединке победу заранее получает тот, в чьих руках главный микрофон, с помощью которого можно вмешаться в речь любого другого участника. Причем в передачу «прячутся» дополнительные возможности, чтобы Соловьев проявил свою иронию. Например, показали кадры из украинской Рады, ведущий останавливает их вопросом «а это кто?» и начинает изливать негатив на конкретного персонажа, оказавшегося в кадре.

Вечность квази-идеологии в том, что она создает для власти нужный «защитный щит», дополнительную опору, чтобы не ощущать себя «колоссом на глиняных ногах». Поэтому за каждым актом пропажи идеологии на следующем этапе все равно появляется она же, но в новом обличье.

М. Мамиконян видит эту ситуацию следующим образом: *«Когда был упразднен СССР, с ним вместе упразднили, а точнее, разгромили и коммунистическую идеологию, бывшую до того основным скрепляющим элементом государственной конструкции. Более того, само слово „идеология” оказалось надолго выведено из лексикона, а запрет на государственную идеологию зафиксировали аж в Конституции. Единой идеологии быть не должно! А так... так пусть расцветают все цветы! Но поскольку в нашем обществе, до того глубоко идеологизированном, „свято место” долго пусто не оставалось бы, и это было очевидно всем, так сказать, заинтересованным инстанциям, рост „цветов” на самотек пускать не стали. Что там еще вырастет – кто его знает?! Вдруг – то же самое? Или иное, и тоже державное? Например, имперско-национальное? Это ведь так естественно для народа-держателя – вспомнить о национальной идентичности и начать собираться заново, собирая вокруг себя других. Собираться, воспроизводя заложенные в самое нутро коллективной личности социокультурные коды»* [4].

Сила телевидения состоит в его «объединяющем» нача-

ле, когда все смотрят одно и то же. Это было очень сильно в советское время, когда и «Голубой огонек», и программа «Время» входили в обязательные вечерние наборы. Они были и входящей информацией, и темой для последующих разговоров, что даже усиливало их воздействие обсуждением и повтором.

А. Генис справедливо пишет, сопоставляя СССР и США: *«Массовая культура потому так и называется, что принадлежит массам и рассчитана на всех. Мы, например, выросли с таким набором: фрукт – яблоко, поэт – Пушкин, картина – „Грачи прилетели“. Нерушимость канона создавала единство, не политическое, а эстетическое. Скажем, „Швейка“ знали все наизусть – в моем кругу, и, что выяснилось в 1968-м, не только в моем. Когда защитники Пражской весны по-швейковски придуривались, отвечая оккупантам утрированной лояльностью, советские генералы сказали им, что тоже читали Гашика. В Америке массовая культура чувствовала себя как дома, ибо им для нее и была. Ее шедевры – для всех, что иногда не мешало им оставаться шедеврами. Среди них – самый популярный сериал „Военно-полевой госпиталь“ (MASH). Страна 11 лет смотрела эту комедию, и я до сих пор могу отличить тех, кто вырос на ее бунтарском юморе, смешавшем Хеллера с Воннегутом. Когда в 1983 году 251-я серия завершила MASH, то за последним эпизодом следили – сквозь прощальные слезы – 125 миллионов американцев, что составляло пример-*

но половину тогдашнего населения США. Через три минуты после финала муниципальные власти Нью-Йорка зафиксировали абнормальный расход воды: три четверти горожан разом бросились в уборную и спустили воду» [5].

Эту же объединяющую символику пытаются отыскать даже в детских рисунках. Однако если раньше такого рода символы были известны всем (типа атом, победа, космос), то сегодня ничего нет: «Что же касается роли современной России, то можно сделать очень важный и вполне обоснованный собранным материалом вывод: вклад современной, постсоветской эпохи в формирование национальной и гражданской идентичности наших детей близок к нулю. То есть за почти уже четверть века не было создано ничего, что могло бы служить основанием для построения образа страны – даже для очень маленьких детей» [6].

При этом интернет все же пока не выигрывает у телевидения на постсоветском пространстве. Российские данные, например, таковы: «Несмотря на тянущиеся уже много лет «похороны» телевидения, оно по-прежнему остается основным источником новостей для населения. Так, около 70 % опрошенных сообщили, что получают новости именно через этот канал. Его главный соперник – интернет – несколько отстает: из Сети информацию черпают 58 % респондентов. На газеты и журналы приходится доля в 19 %, а на радио – порядка 13 %. Аналитики предусмотрительно разделили опрошенных на разные возрастные категории, что по-

могло точнее описать структуру медианотребления россиян. Вполне ожидаемо, что респонденты 16–24 и 25–34 года чаще черпают новости из интернета (75 и 73 % соответственно). При этом люди не отказывают себе в просмотре новостей по ТВ: так поступают 38 % опрошенных в возрастной категории 16–24 лет и 51 % среди населения 25–34 года» [7].

Идеология ничего не оставляет без внимания. Она задает видение даже того, что прекрасно существует и без нее. В Китае, например, компартия хочет подправить переводы религиозных текстов. Как пишет газета «Фигаро»: «Необходимо провести всестороннюю оценку существующих переводов религиозной классики. Там, где содержание оказывается несоответствующим, необходимо внести поправки и заново перевести эти тексты», – говорится в опубликованном на китайском языке официальным агентством «Синьхуа» отчете симпозиума от 6 ноября, где председательствовал Ван Ян, один из семи членов постоянного комитета Политбюро ЦК Коммунистической партии Китая, являющегося «святая святых» режима, – говорится в статье. «Это собрание свидетельствует о том, что контроль над религиями станет еще более жестким», – считает Рен Яньли, научный сотрудник Китайской академии социальных наук, государственного исследовательского центра в Пекине» [8].

Монополизм на видение мира сквозь идеологию опасен тем, что постоянно видим не мир, а идеологию. Причем во

всем. Когда иногда СССР отвлекался от идеологии, создавая кратковременные периоды «оттепелей», то совершенно иной мир предстал перед глазами изумленной публики. Я имею в виду мир, который создавался средствами литературы и кино. И плюсом этих разовых озарений было то, что они хранили это видение для будущего, формируя новые поколения писателей и режиссеров, работа которых состояла не в описании того, что было заложено в идеологии, а простых и понятных чувств советских людей. И каждый раз это вызывало шок у следующих поколений.

И. Чубайс говорит о советской цензуре: *«Тотальная цензура, запрет на независимое, самостоятельное мышление. И в области той науки, которой занимаюсь я, в сфере исторического анализа – тем более. В досоветской России цензура была, но касалась только нескольких тем. Нельзя было критиковать или отрицать существование Бога, выступить против императора, помазанника Божьего. Но зато было категорически запрещено цензурировать исторические работы. В Советской России можно было оперировать лишь предписанными формулами. Это привело к увяданию истории как науки, а также к стагнации других социально-гуманитарных наук»* [9].

И еще: *«Правили они, опираясь на аппарат подавления и цензуру, на идеологическое промывание мозгов. Идеология предполагала тотальный контроль за всей циркулирующей в обществе информацией... Что бы вы не читали, что бы не*

смотрели, у слушателя-читателя-зрителя в голове должно было возникнуть одно и то же – мы строим коммунизм, победа коммунизма неизбежна. Критиковать власть – значило выступать против исторического прогресса, а на такое способен только враг народа. Сейчас нет мифа про „исторический прогресс“, но, как и раньше, – критика власти запрещена. Миф о строительстве коммунизма защищал всех совчиновников, включая тех, кто осуществлял репрессии».

Сегодня мы сталкиваемся с новым типом цензуры – это цензура меньшинства, название которой напоминает о меньшевиках в советской истории: «Вспомните историю большевизма: при первом разбиении российской рабочей партии РСДРП(б) была в меньшинстве, а сторонников Мартова с Плехановым насчитывалось как раз большинство. Но это большинство Ленин назвал меньшевиками. А потом получилось, как получилось. При коммунистах осуществляли цензуру науки, искусства, информации с точки зрения классово-теоретической и партийной линии, а США и Скандинавия породили цензуру меньшинств. И сегодня она официально закреплена. Тот же Google уже официально осуществляет ее в интересах меньшинств и, к примеру, ислама. Известен факт, когда он убрал подсказки в поиске при запросе „Ислам это...“, причем оставил их для запроса по другим религиям. Почему? Потому что некоторые люди боятся ислама и думают о нем плохо, а права такого у них сейчас нет. Это ведь и есть большевизм. Когда минимальное, аб-

солютнейшее меньшинство населения не просто называет себя носителями истинных ценностей, а считается выразителем интересов большинства. И до чего дошло? У нас учебники раньше проходили политическую цензуру, а в США их теперь проверяют активисты разных объединений меньшинств. Вот только американцы стали наконец приходить в себя. Когда у них в некоторых вузах женщины-юристы получили право не слушать блок курсов, где затрагивается разбор статей о домашнем насилии, изнасиловании, потому что это может их травмировать. А женщины-медики порой освобождаются от занятий по андрологии и сексологии, если у них были эпизоды насилия в прошлом. Научное сообщество тоже очнулось. После того, например, как нобелевского лауреата Джеймса Уотсона лишили званий за утверждения о превышении интеллекта белой расы над черной. При этом раньше его за утверждение о превосходстве черной расы в беге, прыжках, выносливости и сексуальной активности лишь хвалили. Ну и врачи у них заперезживали, когда гормональную терапию по смене пола стали назначать детям после часовой беседы с психологом, а выступавших против такой практики педиатров начали преследовать»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.